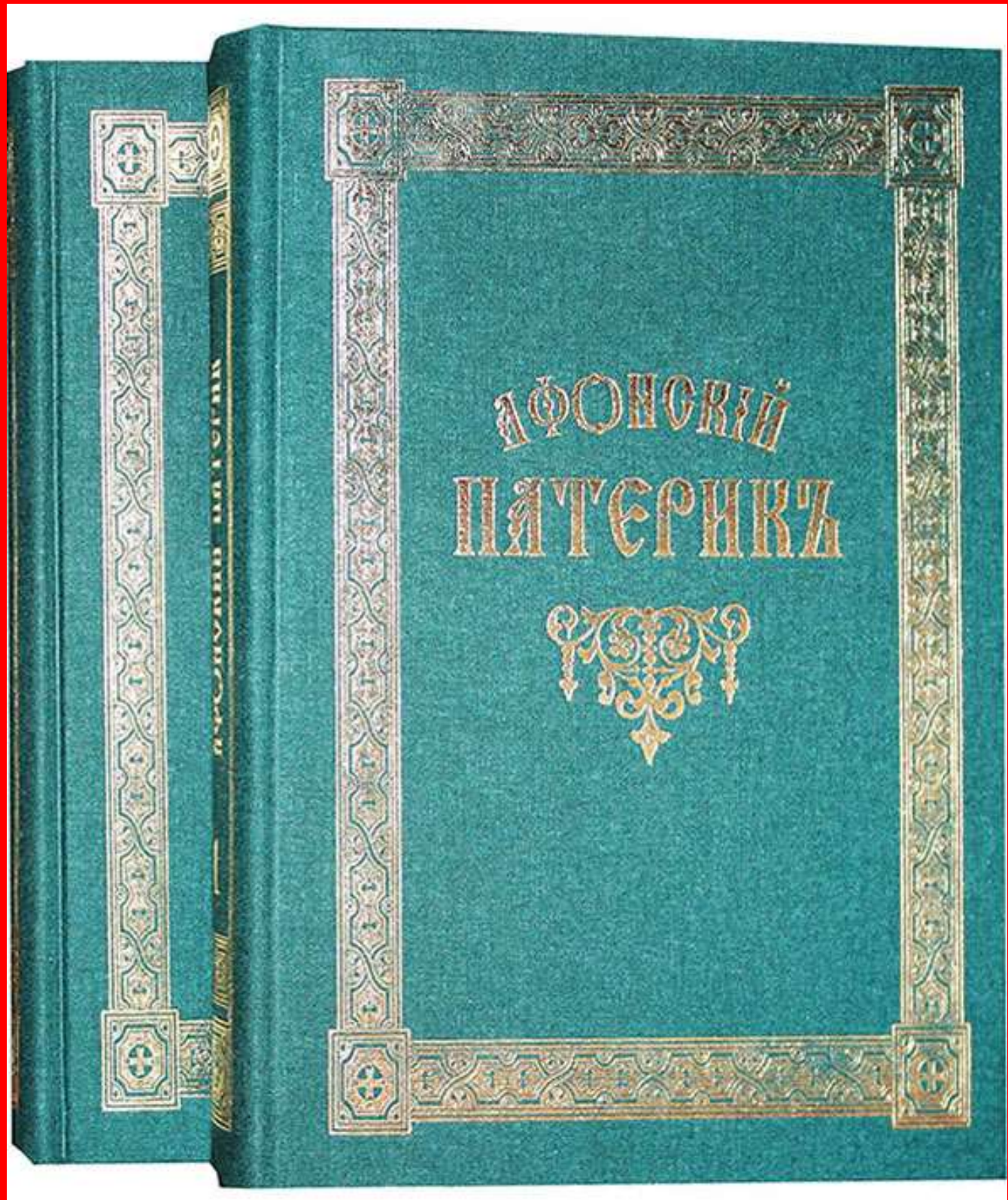

TEZAUUR LITURGIC

PATERICUL ATHONIT I

SF.PANTELIMON-ATHOS,2002

22 МАРТА

Житие и страдание святого нового преподобномученика Евфимия⁸³

Отечество этого нового подвижника Христова, св. преподобномученика Евфимия, было селение Димитцани в Пелопонессе. Он происходил от благочестивых родителей Панагиота и Марии. Кроме Евфимия у Панагиота было еще три сына: Георгий, Христ и Иоанн, и одна дочь – Екатерина; из них Евфимий был младший и во св. крещении назван был Елевферием по следующему замечательному случаю: когда настало время матери его разрешиться им от бремени, тогда она терпела невыносимые боли, так что младенец не только не подавал никакой надежды на явление свое в мир, но, как другой Вениамин (Быт. 35, 18), подвергал опасности жизнь и самой своей матери. Страдавшая таким образом мать его, потерявши надежду на помощь и искусство человеческое, со слезами и с теплой сердечной молитвой обратилась к Небесному Врачу и Его угоднику св. мученику Елевферию, прося, дабы Творец Небесный чрез ходатайство св. мученика освободил ее от тяжкого бремени, обещаясь наименовать

рожденное отроча Елевферием, если оно будет мужеского пола. Небесный Врач, всегда скорый подать помощь призывающим Его с верой и сокрушенным сердцем, услышал молитву Своей рабы, облегчил ее страдания, и родился на свет этот чудный младенец, который по обету матери был наименован Елевферием.

Когда Елевферий достиг возраста, способного понимать книжную грамоту, тогда родители отдали его учиться в начальное сельское училище. Обладая от природы прекрасными дарованиями и при неослабном прилежании он в короткое время выучился начальной грамоте, потом оттуда перешел в высшее элинское училище, где уже учился вместе с родным своим братом Иоанном грамматике и другим преподаваемым здесь предметам. Пробыв в этом учебном заведении определенное время, они оба перешли в Константинополь, в училище Куручешме⁸⁴. Окончив курс здесь, они оставили Константинополь и отправились в Яссы к своему отцу, находившемуся там по торговым делам со старшими двумя их братьями.

После двухлетнего пребывания в Яссах в душе Елевферия родилась благая мысль – отправиться на св. Афонскую Гору и сделаться монахом; вследствие этого, скрывшись от отца и братьев, он как птица быстро полетел из суетного мира в

тихое пристанище подвижников Христовых, пребывающих на Святой Горе. Но прежде чем он достиг желанной цели, Богу угодно было испытать его терпение большими затруднениями.

Так, желая пройти на Святую Гору через Константинополь, он встретил на этом пути непредвиденные препятствия по случаю войны между Россией и Турцией, а потому отправился в Одессу в надежде пробраться оттуда как-нибудь на Афон. Но и тут он встретил препятствие и со скорбью возвратился обратно в Бухарест. Здесь он сделался известным французскому консулу и некоему русскому чиновнику, при которых оставался полтора года, пользуясь их покровительством.

В это время ненавистник добра и спасения человеческого, диавол, начал обольщать его мирскими прелестями и разжигать его юное сердце сладострастием, в чем и успел. Елевферий увлечен был в бездну порока и, погасив в себе святую искру благочестия, предался всякого рода греховным удовольствиям со всем пылом юношеской страсти.

Но так как для провозждения греховной жизни нужны были и денежные средства, то он часто входил в большие долги.

Порочная жизнь, однако, не ограничилась одним только угождением плоти, но потребовала от него большей жертвы. Это было так.

Были в то время в Бухаресте со стороны Турции посланники для переговоров о мире с Россией; явившись к ним, Елевферий пристал к одному из этих турок. Это сделал он отчасти потому, что под покровительством их мог безнаказаннее пользоваться всякого рода удовольствиями, а отчасти потому, что надеялся с турком достигнуть Константинополя, так как, пресытившись греховной жизнью, он уже стал скучать⁸⁵, что всегда бывает с душой грешника, как утверждает св. Иоанн Лествичник.

Спустя немного времени посланники Порты отправились в Шумлу; здесь они замедлили по разным обстоятельствам. Пребывание Елевферия в Шумле было для него роковым обстоятельством в его беспорядочной жизни. Тяготясь медленностью путешествия, а также грубым обращением своего господина, он приходил в отчаяние, из которого виделся ему один исход: принять магометанскую веру. Скоро для осуществления этого намерения представился и случай. Один из спутников Елевферия, адрианополец Константин, бывший христианин, но незадолго пред тем сделавшийся магометанином, начал подговаривать

Елевферия принять магометанство и склонил его идти вместе с ним к находившемуся там рейс-эффенди⁸⁶ Галина и пред ним отречься Христа; несчастный Елевферий последовал пагубному совету товарища и променял веру в сладчайшего Иисуса на веру лжепророка Магомета, а чрез три дня принял и обрезание. Но благодать Всесвятаго Духа, как видно, не совсем оставила его: страдая от несносной болезни обрезания, он вспомнил отеческое благочестие, чистоту христианской веры и, окаявая себя, с трепетом начал призывать имя сладчайшего Иисуса. Вспомнил он и милосердие Отца Небесного, готового опять принять обращающегося распутного сына, и всеми силами души своей желал призвать Божественную Его помощь. Но представляя себе всю глубину своего богоотступничества, он не в состоянии был ни рук своих воздеть к Богу, ни ума направить ко свету безначального Его Божества; поэтому он прибег к единственному средству – слезам и, как второй Петр, горько плакал о своем падении. Милосердый Господь наш Иисус Христос, видя истинные слезы раскаяния, милостиво призрел на кающегося, как некогда призрел Он и на первоверховного из апостолов.

Сокрушаясь о своем отречении и чувствуя в сердце своем всю тяжесть своего падения, он

казался в кругу товарищей совсем уже не тем, каким прилично было ему казаться. Посему люди рейс-эффенди, подозревая его в намерении бежать, тщательно стерегли его, не позволяя ему отлучаться из дому; притом прилежно наблюдали за всеми его словами и движениями.

В один день товарищи Елевферия увидели на нем небольшой крест⁸⁷ и с бранью тотчас сняли с него и показали рейс-эффенди, обвиняя Елевферия, что он и по принятии магометанского закона не оставляет носить на себе крест – символ христианства. Рейс-эффенди, выслушав их обвинение, сказал: Решид (мусульманское имя Елевферия) вовсе не заслуживает осуждения за то, что носит на себе крест, так как он в продолжение этих немногих дней не мог познать всей сладости нашей веры. Оставьте его, он сам со временем придет к богопознанию.

Слыша такие успокоительные слова господина, слуги на время замолчали. После четырехмесячного пребывания в Шумле эффенди со всей своей свитой отправился в Адрианополь, куда последовал за ним и Елевферий, к которому в это время многие из людей рейс-эффенди уже относились враждебно, так как им не нравилось ласковое

обращение эффенди с Елевферием, вследствие этого он боялся, как бы они по злобе своей не умертвили его на пути, и тогда он умер бы в мусульманской вере. Посему, как только прибыли они в Адрианополь, Елевферий тотчас от них скрылся и бежал в митрополию и, узнав, что митрополит Кирилл⁸⁸ в церкви совершает вечернее богослужение, так как день был субботний, пошел туда. Глубоко потрясен был несчастный, когда увидел здесь диакона, кадящего народ вне храма; отступник вполне сознавал, что только он один лишается благодати священного фимиама. Он готов был рыдать о своем окаянстве, но дабы не выдать себя пред предстоящими христианами, он удержался от слез и объяснил, что пришел из Константинополя к митрополиту с нужными письмами, которые поручено ему лично передать владыке. Митрополит, узнав об этом от диакона и не желая оставлять вечернего богослужения, послал епитропа церкви узнать о письмоносце, о его желании видеть владыку и взять от него письма. Елевферий, видя такой оборот дела, сказал сам себе: несчастная надежда обманула меня, и, отведя в сторону епитропа, рассказал ему о своем отречении и просил его дать ему греческое одеяние. Слыша о предметах такой важности и притом в то время,

когда в Адрианополь входили турецкие войска, епитроп от страха ли, чтобы не потерпеть тамошним христианам какой-нибудь неприятности, или по немилосердию, отклонил его просьбу и прогнал несчастного отверженника. Однако такая неудача не ослабила в нем любви и ревности к христианской вере, и он не терял надежды на свое спасение. Раз он встретился с одним благонамеренным христианином, описал ему кратко свое безвыходное положение и убедительно просил принести ему греческие одежды в определенное место и время.

Добрый христианин исполнил желание Елевферия, но действием лукавого и сия мысль его осталась без исполнения, так как он не мог укрыться от слуг рейс-эффенди, почему и казался мрачным и печальным, а нередко и проливал слезы, ибо «сердцу веселящуся», – говорит Мудрый, – «лицо цветет; в печалех же сущу, сетует» (Притч. 15, 13). Глядя на него, одни из слуг насмехались над ним, другие же старались всячески ободрить его; особенно господин, видя своего новообращенного в таком состоянии, ласкал его, чтоб только утешить; даже объявил его своим сыном, но эти душепагубные утешения далеки были от души Елевферия, тоскующей по небесном отечестве.

Несчастный отступник, слушая суетные обещания эффенди, сказал ему, что он так печалится о своей матери, а между тем мысленно вопиял словами Пророка: «разжеся сердце мое, и утроба моя изменишася от окаянного моего отречения от Тебя, Христе!»

Пробывши в Адрианаполе более трех месяцев, турки возвратились наконец в Константинополь. Но и здесь несчастный Елевферий не имел позволения свободно выходить из дома, и здесь усилен был над ним надзор, как и в Шумле. Потеряв всю надежду на человеческие средства к своему освобождению, он прибег с теплыми мольбами и горькими слезами к готовой Заступнице кающихся грешников – Пресвятой Богородице и от всей души просил Ее извести его из этой глубины погибельной и быть ему, подобно Марии Египетской, ходатаицей и споручницей к Сыну Ее и Богу, Которого он безумно отрекся. Моления кающегося отступника не остались тщетными, всемилосердая Владычица не презрела горьких его слез и тяжких воздыханий, так как вскоре, при небесной помощи и Божественном покрове, ему представился случай бежать из этого дома. Но, как видно, враг человеческого спасения не желал выпустить жертвы из своих когтей, а потому ухищрялся ослабить и переменить

святую решимость и благочестивое настроение души Елевферия: поставил ему новую сеть на пути его обращения к истинной вере. Вдруг ему приносят в дар драгоценнейшие одежды от жен рейс-эффенди, с обещанием еще больших благ. Мужественный Елевферий, видя явное коварство диавола, в душе посмеялся его козням; впрочем, с притворной радостью и удовольствием принял он все посланное и чрез принесшего раба изъявил пославшим великую свою благодарность. Всю ночь после этого обольстительного поступка раскаивающийся Елевферий провел в теплых молениях и слезах, прося Царицу Небесную указать ему способ и удобство скрыться от рейс-эффенди. Поутру, лишь только солнце начало разливать живительные лучи и золотить ими верхи гор, Елевферий, возведши очи и ум свой к мысленному солнцу правды Христу, молил Его быть ему светом и путеводителем, врагов же его поразить тьмой, дабы они не воспрепятствовали ему бежать из ненавистного ему дома, для взыскания небесного Жениха, как невесте, изображенной в книге Песнь Песней (Песн. Песн. 3, 1), и с этой молитвой, покрываемый Богом, вышел оттуда, никем не замеченный.

Освободившись из погибельного общества, он почти с быстротой птицы прибежал прямо в патриарший дом, отыскал там одного знакомого ему духовника, родом из Пелопонесса, исповедал ему о себе все подробно и после этого стал просить у него христианской одежды. Духовник, быть может по невозможности скоро найти эти одежды или же страха ради, не исполнил просьбы Елевферия и, сказав ему лишь несколько душеполезных слов, отпустил его от себя с миром.

Оставив духовника, Елевферий поспешил в дом российского посольства, и здесь только он мог вздохнуть свободно и из глубины наболевшего сердца громко возопил: «Слава Тебе, изведшему меня из ада и тьмы смертных, Христе Боже!»

Все, бывшие в посольстве, изумились, видя Елевферия в турецких одеждах, тогда как прежде знали его христианином⁸⁹. Узнав от него обо всем случившемся, русские поболели душой, сняли турецкую одежду, одели его в христианскую и прославили Бога за освобождение раба Своего из уст пагубного змия. Через четыре дня нашлось судно, плывшее в Стримонский залив, но имевшее необходимость быть и на Святой Горе, на котором Елевферий и отправился. Спутником его был один боголюбивый христианин из

Пелопонесса, именем Иоанн. Христолюбивый этот Иоанн собрался было уже отправляться на другом судне в Россию, но, узнав от Елевферия все бывшие с ним приключения, решился сопутствовать ему на св. Афонскую Гору. Достигнув Святой Горы, они пристали к лавре св. Афанасия. Здесь встретили они прежнего святейшего патриарха Константинопольского Григория, пребывавшего теперь там на покое. С глубокой скорбью Елевферий рассказал сему святителю все подробности своей жизни. Соболезновала и сострадала и великая душа патриарха по Бозе отступнику. Слушая его рассказ, патриарх воссылал благодарение Богу, не хотящему смерти грешника, за преславное освобождение Елевферия из сетей диавольских; боголюбивого же спутника Елевфериева благословил и, обещая ему великие награды от Христа Бога за любовь его к брату, отпустил с миром, заповедав никому другому не рассказывать о сем деле. А Елевферия удержал при себе и повелел ему ходить каждый день к благоговейному и добродетельному лаврскому духовнику Мелетию, родом из Крита, для слушания умиловительных молитв – по установлению Церкви.

Чрез 40 дней Елевферий был помазан св. миром, и таким образом избавившись от плена

всегубителя, восприял опять наименование христианина и, снова вписанный в книгу жизни, сделался рабом Христовым. Получив печать Св. Духа, он опять сделался согражданином ангелов, чадом Божиим и сонаследником Христовым.

Укрепившись духовно и исполнившись безмерной святой радости, Елевферий, оставив лавру, приходит в скит св. Анны, является к священному и великому мужу иерею Василию, который уже нескольких отступников от православной веры представил Христу мучениками, быв для них руководителем и спутником на страдальческие подвиги, иногда даже с опасностью для своей жизни и с большими расходами из своих собственных скудных средств. Пред сим духовным мужем Елевферий с сокрушенным сердцем и смиренным духом исповедал всю прошедшую свою жизнь.

Сострадая и милосердая о Елевферии, блаженная та душа удержала его при себе, много утешала и успокаивала духовно и телесно. Пробыв там дней двадцать, подвизаясь по силе своей в трудах отшельнических, Елевферий стал просить своего наставника, чтоб он благословил его отправиться в Константинополь и там предать себя на мучения. Долго духовник не

соглашался на это, но впоследствии, хотя и против своей воли, изъявил согласие на его желание и дал ему такую заповедь: если он узнан будет самими турками, тогда пусть вступает в подвиг мученичества; в противном же случае да не дерзает подвергать себя опасности. Тронутый милосердием к себе Божиим, Елевферий с радостью принял эту старческую заповедь и, взяв благословение и напутственную молитву от благочестивого старца, отправился в Константинополь. Здесь он в продолжение 8 дней неоднократно виделся со знакомыми ему шестью рабами рейс-эффенди, но по судьбам, ведомым одному Богу, не был узнан ни ими, ни другим кем-либо из мусульман. От этой неудачи он сделался печальным и со скорбью сердечной отправился к преждеупомянутому духовнику патриаршего дома, рассказал ему о себе, а также объявил и заповедь своего старца, которую решился нарушить и отдать себя произвольно в руки мусульман, так как долее не может переносить внутри палящего его пламени любви Христовой. Но духовник не советовал ему преступать заповедь старца и всячески старался убедить его оставить свое намерение, но после долгого сопротивления со стороны Елевферия, желавшего пролить свою кровь за Христа,

благословил его и пожелал благополучного совершения высокого и священного подвига. Итак, в следующий день – это было Преображение Господа нашего Иисуса Христа – Елевферий, приобщившись св. Христовых Таин и вооружившись сим страшным для демонов оружием, пошел с дерзновением предать себя в руки турок, но по неисповедимым судьбам Промысла Божия, устрояющего все на нашу пользу, он на пути встретился со святогорским лаврским монахом Панкратием, родом из Пелопонесса. На вопрос его Елевферий чистосердечно рассказал ему, как своему знакомому, о своем намерении, но благоразумный Панкратий посоветовал ему лучше возвратиться на Святую Гору, посвятить себя аскетическим подвигам, испытать себя лучше и совершеннее, и таким образом более укрепившись душою и телом и сделавшись более твердым в своем намерении и желании, потом уже вступить на высокий и страшный подвиг мученичества. Панкратий ослабил рвение Елевферия, который решил отложить до времени исполнение своего намерения и по здравому совету своего доброжелателя решил возвратиться на Святую Гору. Но ненавистник добра, исконный враг рода человеческого, диавол, зная, что Елевферий по своей ревности

и притом живя в кругу добродетельных старцев на Афоне, может и сам взойти на высоту добродетелей, начал смущать его различными помыслами и убеждать сперва отправиться в Иерусалим, на Синай, а после еще в какую-нибудь страну. Познав в этом внушении хитрость диавола, желающего отклонить его от настоящего пути, блаженный, при Божественной помощи, не соизволил лукавым внушениям и отплыл на Святую Гору с проигуменом Дохиарской обители Евгением Митиленцем. Прибыв на Святую Гору, Елевферий пробыл у этого проигумена два месяца, а потом от него перешел в обитель Есфигменскую. Отсюда спустя немного времени он возвратился опять в Дохиар. Здесь узнал он от одного иеромонаха, по имени Досифей, что в Иверской обители находится двоюродный брат его Онуфрий, и от радости заплакал, полагая, что при его воздействии приведет в исполнение свое намерение. Но, с другой стороны, стыдясь своего отречения, не пошел он тогда к Онуфрию, хотя и был к тому побуждаем Досифеем, а напротив, чрез несколько времени удалился в пирг, принадлежащий Ставроникитской обители, к духовнику Кириллу Митиленцу. Тот, приняв от него исповедь, послал его в священный скит честного и

славного Пророка и Предтечи Господня Иоанна, к духовнику Харлампию.

На пути в этот скит Елевферий зашел в обитель Иверскую, чтобы видетсья там с братом своим Онуфрием. Глубоко трогательна была встреча их. Онуфрий, потрясенный до глубины души, неутешно рыдал о великом несчастье Елевферия: каких горьких слов не произнес он тогда! «Зверь лют, – говорил он, как другой Иаков, – пожрал тебя (Быт. 37, 33), брате; кровопийца лютый растерзал тебя, Елевферие», – и многое тому подобное высказал он брату своему. И Елевферий пролил потоки слез из очей своих; и таким образом получив от брата своего великую пользу, он удалился к упомянутому духовнику Харлампию. Спустя 29 дней, по усиленной просьбе Онуфриевой, принял к себе Елевферия находящийся в том же скиту Предтечи славившийся духовным рассуждением духовник иеромонах Никифор. Искренно исповедавшись новому духовнику своему, Елевферий с радостью исполнил назначенную ему епитимью. Первой победой его над диаволом под новым сим руководством была победа над страстью чревонеистовства. Однажды, томясь от долгого поста и воздержания, он увидел несколько луковиц: тотчас пришел ему помысл тайно съесть одну из

них (а между тем, ему не велено было употреблять ничего другого, кроме сухого хлеба и воды). Когда в 9 часу подан был ему хлеб и вода и принесший оные удалился, тогда Елевферий взял луковицу, чтобы съесть ее, но, вспомнив о грехе преслушания и тайноядения, блаженный пришел в ужас, ибо в ту минуту налегли на него непомерной тяжестью различные противоречащие один другому помыслы, с которыми боролся он целых три часа, пока наконец с гневом бросил луковицу на землю, растоптал ее и вкусил только хлеба с водой⁹⁰.

Но кто же может достойно рассказать о его подвигах, безмерном посте, бдении, слезах, сердечном сокрушении, кротости, постоянном внимании к себе, ласковости ко всем, безмолвии, молчанию и сострадании к ближним? Таким образом, Елевферий в короткое время достиг совершенства добродетелей и покорила плоть духу; душа его, объята Божественным рачением, уже не прилеплась ни к чему временному и тленному. Между тем, в душе его все более и более возжигалось пламенное желание мученичества, так что наконец он объявил духовному своему отцу о непременном своем намерении вступить в подвиг мученический и просил у него на то согласия. Но

опытный старец не соизволил пока его желанию, а повелел ему увеличить подвиги и усерднее просить у Бога милости. Блаженный послушался и, принявши старческое повеление, умножил свои посты, бдения, молитвы и слезы; и, что было особенно достойно удивления, – находясь в таком злострадании, он всегда был светел лицом и постоянно весел. Кроме чрезвычайных своих подвигов подвижник Христов занимался чтением Божественного Евангелия и других душеполезных книг. Читая в новом мартирологе о подвижниках и победах св. новомучеников, он более и более распалялся сердечным желанием мученичества; когда же ему выставляли на вид трудность этого подвига, нестерпимость мук, лютость мучителей и проч., тогда он всегда давал на это один ответ: я никогда не размышляю о таковых бедах и трудностях и не измеряю их, но чувствую только великую печаль и неизреченную болезнь в сердце моем, что не имею тысячи тел, чтобы предать все их на мученические страдания, и тысячи голов для заклания за любовь Христову.

Некогда Елевферий просил имевшего о нем попечение старца Акакия (ученика Никифорова), да сотворит молитву к Богу и узнает достоверно, есть ли воля Божия принять ему мучение и как предстать пред мучителями,

самому ли собой или ждать, пока они узнают и возьмут его. Акакий, такое дело считая выше своего достоинства, отказался исполнить его просьбу, но Елевферий не переставал усиленно просить и умолять его о том. «Чадо, – сказал ему однажды Акакий, – хотя я и не достоин, но по любви христианской и заповеди Господней сотворил о тебе молитву к Богу и получил извещение, что есть воля Творца Небесного вступить тебе на подвиг мучения, притом ты должен идти для исповедания имени Христова к мучителям сам, как сам же отрекся от Господа: противное обыкновенно врачуется противным». Услышав это, блаженный исполнился радости и духовного веселья и с того времени еще более увеличил свои подвиги, прося у Бога ускорения времени к совершению мученичества.

В ту пору такое умиление и плач дарованы ему были от Бога, что никто не видал его без слез и вздыханий; без них он не вкушал даже пищи. Помня о своем падении, он подобно пророку Давиду говорил: «забых снести хлеб мой от гласа вздыхания моего» (Пс. 101, 5. 6).

Идя неуклонно путем подвижничества и всегда думая только о мученичестве, Елевферий в одну ночь видит во сне, будто он, находясь вне своей каливы, весь был залит светом, исходящим от креста, который состоял из светлых звезд и

видим был на восточной стороне неба. Изумление и удивление овладели Елевферием, но вместе с тем в сердце его ощущалась неизреченная радость. Близ креста сего заметил он прекрасного юношу, который сказал ему:

– Елевферий! Вот орудие, силой которого первый царь христианский, великий Константин, победил врагов своих: возьми оное, теки и ты в путь свой». Проснувшись после сего видения, он пал на землю и с обильными слезами славил и благодарил Бога. Знамение это служило ему уверением в воле Божией и сильнейшим побуждением к подвигу мученичества. Это видение он по своему смиренномудрию сохранил как тайну до самого часа отправления на мученичество.

Отправляясь на страдания, он рассказал еще и о другом утешительном видении.

– В одно время, – говорил он, – видел я высокий и прекрасный трон, на нем с великой славой и благолепием сидела Пресвятая Богородица; вокруг трона стояло безчисленное множество воинов и слуг, из которых каждый совершал Богоматери поклонение и потом удалялся. Тогда подобно другим и я с великим страхом и сознанием своего недостойнства приблизился к Ней и поклонился. Богородица положила мне на голову Свою руку и несколько минут держала ее;

В это время я проснулся и почувствовал в сердце своем неизъяснимую радость, а вскоре за тем из очей моих невольно потекли слезы обильной струей и особенно усладили мою душу.

Не явные ли это доказательства великого попечения Богоматери о Елевферии?! После сего еще более усилился пламень в душе его, и он снова просил благословения и молитвы на отправление в избранный им путь, но, видя всех не соизволяющими его намерению, стал скорбеть и печалиться, пока, наконец, стал настойчиво требовать согласия, – которое, хотя и с неохотой, но вынуждены были дать ему благочестивые старцы. А так как Елевферий приготавливался к закланию за Христа, то, чтобы всецело посвятить себя Христу, он принял пострижение в ангельский образ с именем Евфимия.

В один день старец его Акакий, рассказывая ему о славе мучеников на небесах и об их дерзновении пред престолом Божиим в ходатайстве за всех просящих их помощи, просил его, чтобы он в час мученической своей кончины умолил Всевышнего о скорейшем его разрешении от тела и о сожительстве на небесах вместе с ним. Евфимий по своему смиренномудрию сначала отказывался, называя себя чуждым такого дерзновения, но когда

Акакий еще настоятельнее стал убеждать его к тому, сказал: нет еще воли Божией, отче, отойти тебе из сей жизни: после меня придет к вам другой брат, которого прошу полюбить и позаботиться о нем, как обо мне, – ему суждено шествовать в горняя тоже путем мученичества. Предсказание блаженного вполне оправдалось, так как вскоре после святой его кончины на его место пришел св. Игнатий⁹¹.

Однажды Акакий в келье Евфимия нашел записку, в которой были написаны числа: пять тысяч, две тысячи, три тысячи и т.д.

– Что это? – спросил старец. – Отче! Так как мы намереваемся отправиться в путь, а на море я не могу исполнить положенного мне правила, то удваиваю его теперь, да не осужден буду, как ленивый раб.

Акакий одобрил такую его точность относительно монашеского правила, похвалил внимательность его к своей обязанности и такое приготовление к закланию за любовь Христову.

Между тем, не дремал и враг всякого добра – диавол: дабы отклонить Евфимия от мученичества, он старался всеять в его душу робость. Так, в одну ночь видит он во сне, будто собралось к нему множество безобразных эфиопов, которые сначала произвели страшный шум, потом развели большой огонь и,

обратившись к Евфимию, сказали: «Вот, человек идет на мучения, а не рассуждает о том, что мы победим его. Бросим-ка его в этот огонь и посмотрим, сможет ли он перенести мученичество», – и тотчас как будто бы на самом деле схватили его и намеревались бросить в середину огня. Пробудившись, Евфимий призвал Божественную помощь и таким образом избавился от дьявольского наваждения.

Наконец настало давно желанное время отшествия Евфимия в святой и богоприятный путь. По пути он зашел в Иверскую обитель проститься с Онуфрием. Умилительно было их прощание, после которого Онуфрий ввел Евфимия в храм Богородицы Портаитиссы и, приблизив его к чудотворному Ее образу, сказал со слезами: «В руки Твои предаю, Госпоже, сего вольного мученика; будь ему, Всенепорочная, дверью в Царство Небесное, укрепи его на брань противу видимых и невидимых врагов и представь его Сыну Твоему и Богу жертвой совершенной и благоугодной».

Итак, 21 февраля, провожаемый многими отцами, Евфимий удалился со Святой Горы в сопровождении одного из послушников духовного отца его Григория, который послан с ним по просьбе Онуфрия. После великих бурь и бед, перенесенных ими по действию дьявола на

море, 2 марта прибыли они в Каллиполь. Евфимий, узнав, что здесь живут три паши со множеством турецких войск и что там же есть и некоторые из людей рейс-эффенди, от великого усердия к мученичеству говорил Григорию: «Отче! Вот и здесь есть турки, что препятствует мне свидетельствовать пред ними правую мою веру? Совершу подвиг мой и тут». О мысль боголюбивая! О любовь ко Христу огненная! Вот турки, говорит блаженный, что препятствует мне принять желаемую смерть? Этими восторженными словами он уподобляется евнуху Кандакии, который

в порыве сердечной ревности говорит апостолу Филиппу: «се вода, что возбраняет мне креститься»? (Деян. 8, 36) Какое имел тот усердие креститься в воде, такое же имел и Евфимий креститься своей кровью – крещением из всех крещений труднейшим. Но этому пламенному его желанию Григорий не соизволил, а только совершено было здесь над ним св. елеосвящение; потом они оба приобщились св. Христовых Таин и 9-го числа того же месяца отправились отсюда и прибыли в Артаки, где выслушали они акафистную песнь Богоматери и снова приобщились св. Таин. Из Артаки 19 марта, в четверток 6-й недели Великого поста, прибыли в Галату

Константинопольскую и остановились у одного благочестивого христианина Григория, который принял их как людей Божиих и оказал им большое внимание.

Накануне Цветоносной недели над Евфимием снова совершено было св. елеосвящение, и опять оба они приобщились Пречистых Таин. В неделю же Ваий в храме св. Предтечи за Божественной литургией еще сподобились пренебесного сего дара, и после Литургии отправились прямо на один кефалонийский корабль, капитан которого принял их с радостью и любовью. Здесь Евфимий снял с себя монашеское одеяние и оделся в заранее приготовленные турецкие одежды. Тогда, поклонившись спутнику своему Григорию, Евфимий сказал: «Благослови, отче, твоего слугу и брата! Бог заплатит вам за все благодеяния, какие оказали вы мне недостойному, и наградит тебя небесными дарами за труды твои». Сокрушился сердцем Григорий и начал проливать слезы о разлуке с Евфимием. «Не возбуждай, отче, своими слезами скорби в моем сердце, а лучше проси Бога, чтоб Он помог мне победить врага-диавола и мужественно окончить великий подвиг». Потом, дав последнее о Христе целование Григорию и всем находившимся там христианам, стоявшим с непокровенными главами и удивляющимся его

мужеству, приснопамятный взял в руки свои крест и ваии, взятые им в церкви св. Предтечи и, вооружившись сими оружиями, переходит с корабля на сушу и мужественно идет, как песенная невеста, обрести сладкого и таинственного Жениха. Казалось, сего сладчайшего Обручника, Пастыря и Посетителя душ наших нигде нельзя было обрести ему так скоро, как во дворце тиранов и игемонов; посему, имея намерение проникнуть к ним, он на пути взывал к Нему: «Владыко Иисусе Христе! Ты, пребывая Своей плотью на грешной нашей земле, не отверг того мира, которое кающаяся грешница излила на Пречистую главу Твою: не возгнушайся же и мной грешным, прими и от меня не миро, а самую мою кровь, которую спешу излить ради Твоей любви; и как той грешнице не возбранил входа в дом Симона прокаженного, так, Владыко, сотвори и для меня свободным вход во дворцы безбожных мучителей, да проповедую там имя Твое святое и постыжу прельстившего меня диавола и посрамлю их мусульманскую веру». Так молился он со многими слезами и болезнью сердца, и о том же умолял Пресвятую Богородицу, как споручницу и непостыдную нашу помощницу. После этой молитвы произвольный страдалец, сотворив на себе крестное знамение, вошел в

высокую Порту и, никем не остановленный, предстал пред самым турецким визирем Рушут-пашой и без всякого смущения и страха сказал ему:

– Господин! Я христианин еще от предков: отец мой называется Панагиотом, а мать – Марией; кроме того, имею и других трех братьев и одну сестру, и все мы христиане. А эти одежды, которые на мне, я получил от тебя, и чтобы удостовериться тебе, что я христианин, вот крест, который неложная наша христианская вера дала нам, как оружие противу всех врагов; а вот и ваии, которые тоже знамение христианское, но чтобы ты еще более уверился в сказанном мной, вот я пред тобой попираю знамение лживой вашей веры!

Говоря это, он снял с головы своей зеленую повязку, бросил ее на землю и начал попирать и проклинать обманщика Магомета. Визирь изумился, видя двадцатилетнего юношу, представшего пред ним с таким дерзновением и мужеством и называвшего веру их лживой, а пророка – обманщиком. Как будто не обращая внимания на Евфимия, визирь с негодованием обратился к предстоящим слугам и гневно сказал им:

– Зачем допустили ко мне такого человека?

Потом приказал особому своему чиновнику испытать, не пьян ли этот дерзкий или не безумный ли он.

– Нет, – отвечал Евфимий, – ум мой здоров, потому-то и исповедую Иисуса Христа Богом истинным и Творцом неба и земли, а себя христианином и желаю умереть по любви ко Христу моему.

– Так, значит, ты пьян, – сказал визирь.

– Я не пьян, – отвечал мученик, – вот уже три дня, как я ничего не ел.

Тогда визирь приказал своим слугам ввергнуть его в темницу, что тотчас же усердными служителями было исполнено. В смрадной тюрьме забили ноги его в колоды и заковали в тяжелые цепи. Через час Евфимий приведен был к визирю для вторичного допроса.

– Пришел ли ты в себя или остаешься еще в прежней твоей прелести? – спросил его нечестивый судья.

– Я сказал тебе, – отвечал мученик, – что я христианин и сын христианских родителей и что я от всей души верую во Иисуса Христа Бога истинного, Который соделался человеком ради спасения нас, человеков, и Который опять придет и будет судить людей, дабы воздать каждому по делам его (см. Римл. 2, 6).

– Оставь бесполезное суесловие, обратись в нашу веру, в которой ты уже был, и получишь от меня великие почести и богатства.

– Напрасно прельщаешь меня, господин, и напрасно предлагаешь отречься истинного Бога, сладчайшего моего Иисуса, и принять вашу веру, которая исполнена только басен и разврата. Ведь и жизнь самого вашего учителя была до крайности гнусна, и притом он имел в себе беса, и этот беснуемый ваш наставник и вас научил творить всякого рода нечистоту, а вы веруете в него, как в пророка. Не срам ли это человеку, существу, одаренному от Бога разумом?

– Если ты не отречешься своего Христа и не примешь нашу веру, я предам тебя жестоким мукам.

– О, Христе Царю! – велегласно воскликнул мученик, – не попусти, чтобы я отрекся Тебя, Создателя моего, ни словом, ни делом, хотя бы изрезали это снадное для червей тело мое на куски.

После сего визирь велел наложить на голову мученика зеленую повязку, которую Евфимий снова снял, разорвал надвое и бросил в визиря, говоря: возьми себе свое, а мне оставь мое.

Разгневавшись, визирь приказал тотчас же снова бросить его в темницу и бить прежестoko.

Слуги его, как разъяренные звери, схватили страдальца и безжалостно избив его, ввергли в темницу. Там собравшись, как вороны на труп, безчеловечные мучители то устрашали страстотерпца, то обольщали обещанием всех благ мира сего; мужественный же Христов подвижник каждому из них давал достойные ответы, во всем осмеивал их и уничижал преступную их веру. Через три часа с начала истязаний мученика по приказанию визиря повели на третье испытание.

– Пришел ли ты в раскаяние или еще упорствуешь? – спросил визирь мученика.

– Одна есть истинная вера христианская, судья, – отвечал тот, – и один Бог триипостасный, тварью славимый, Отец, Сын и Святой Дух, – единое нераздельное естество Божества. В сие имя я и крестился, и соделался сыном Божиим по благодати; как же мне после сего уверовать в обманщика, лжепророка вашего Магомета? Быв здесь на земле жилищем сатаны, он и теперь находится в объятиях отца своего дьявола, и вас ослепленных, которые уверовали в него, как в пророка, ожидает одинаковая с ним мука. Знайте, что никто так не прогневал Бога, как ваш лжепророк, который столько душ увлек с собой в погибель, куда и вы, жалкие, самопроизвольно стремитесь. Истинно

говорю вам: если не оставите веру в прельстившего вас лжепророка и не сделаетесь христианами, то навеки погибнете и преданы будете горьким вечным адским мукам.

Хвала свободе уст твоих, мужественный подвижник Господень! Слава величию души твоей, небесных похвал достойному!

Когда визирь услышал эти дерзновенные и обличительные речи, то весь изменился от гнева, будучи не в состоянии более переносить их, и, отчаявшись поколебать решимость и твердость мыслей исповедника Христова, осудил его на усечение мечом. Тогда палач взял Евфимия и хотел было связать ему назад руки, но мученик не позволил и сказал ему: «Для чего тебе вязать меня, когда я пришел сюда незванным? Ведь ты не привел меня, как преступника?» – После некоторого раздумья палач оставил его.

Итак, славный подвижник Христов вышел из незаконного того судилища с лицом веселым и радостным, не как на смерть, а как бы на брачный пир, держа в правой руке крест, а в левой ваии, чему удивлялись не только христиане, но даже и самые враги св. нашей веры.

Достигнув определенного места, палачи остановились. В это время мученик, став лицом на восток и простерши руки к небу, произнес о

себе и о всем мире пламенную ко Господу Богу молитву. По окончании молитвы он сотворил на себе крестное знамение, облобызал честной крест, который держал в руках, и, весь полный радости и благодати Божией, преклонил колена и главу свою со словами: «Господи! В руце Твои предаю дух мой». Тогда палач ударил мечом его во главу, но не отсек ее сразу. «Секи вернее», – сказал палачу мученик при этой неудаче. – О, чудного мужества светлейший подвижник! – Потом палач ударил во второй раз, но опять неудача – он отсек у страдальца только часть его плоти. После сего он заклал уже мученика, как овцу, в гортань, и таким образом исполнилось пророчество мученика, который еще прежде говорил, что заколют его как овцу.

Итак, мужественный, непобедимый и преславный Евфимий получил наконец столь пламенно желаемую им блаженную кончину 1814 года 22 марта, в Вербное воскресенье, в 6 часу дня. К изумлению всех зрителей страдальческое тело его и по заклании оставалось стоящим на коленях, но чтоб не посрамиться более, нечестивцы намеренно толкнули тело, и оно упало.

Надобно сказать, что, расставшись с мучеником, спутник св. Евфимия Григорий отправился туда, где они остановились, потому

что мученик заповедал ему, возвратившись в свое место, молиться о нем Богу целых три часа и потом осведомиться о нем. Григорий так и поступил. Через три часа, когда мученик после истязаний веден был уже на смертную казнь, он послал упомянутого христианина узнать о страдотерпце. Христолюбец этот, сподобившись видеть кончину мученика, известил о ней Григория, который и поспешил увидеть подвижника Христова, так славно восторжествовавшего над диаволом.

А потом палачи подняли страдальческое тело и, по желанию Григория, отнесли оное на остров Проти; такое доставление с великим трудом и за большие деньги Григорий купил у палачей. При перенесении св. мощей мученика, несмотря на то, что они три дня оставались на открытом воздухе, текла еще теплая кровь, но славнее всего было то, что когда Григорий взял честную главу св. мученика и, лобызая ее со слезами, беседовал с мучеником как бы с живым, тогда священная сия глава открыла очи и, как бы живая, веселым и приятным взором смотрела на Григория и на всех предстоящих, и это чудо совершилось дважды в присутствии многих.

После этого Григорий, одев тело мученика в иноческую одежду, положил его внутри храма Преображения Господня.

Между тем, Григорию желательно было перенести св. мощи мученика на Афон, но он недоумевал, какими путями достигнуть этой цели, почему и оставался пока в Константинополе. Но преподобномученик Евфимий однажды является ему во сне, успокаивает его и обещает, что он сам в свое время возьмет свои мощи и перенесет на Святую Гору⁹².

Другое чудо совершено было новомучеником еще во время пребывания Григория в Константинополе. У одного христианина, имевшего жительство в Галате, Эммануила Маргаритова сын, именем Янк, шести лет, болел горячкой: четыре уже дня лежал он без чувств, и на выздоровление его потеряли надежду не только родные, но и врачи. Позван был в дом Эммануила с мученическими одеждами Григорий. Лишь только больного обложили окровавленными одеждами мученика и напоили водой от орошения их, тотчас больной открыл глаза, потом попросил еще той воды, с благоговением облобызал мученические одежды и с той минуты стал здоров.

Наконец Григорий, обретши попутный корабль, прибыл на нем на Святую Гору, как ангел – вестник исповедания и страдальческой кончины нового преподобномученика Евфимия. Привез

он туда власы от честной его главы и окровавленные одежды, от которых исходило благоухание.

Ради славы Божией не умолчим и о том чуде, которое совершил мученик во время пути Григория на Святую Гору. «21 апреля прибыли мы из Константинополя в Дарданеллы, – так рассказывает о себе один христианин из Месимврии, именем Христодул, сподобившийся испытать на себе чудо, совершенное св. мучеником. – Там я тяжело заболел сильным ознобом и головной болью и полагал, что уже стою близ смерти, но лишь только напоили меня водой с окровавленной одежды и волос новомученика Евфимия – велик Ты, Христе Царю – тотчас я сделался здоров, прибыл со старцем Григорием на Святую гору и поклонился там священным обителям в вожделенном здоровье».

Один житель кидонисский, именем Антоний, заболел горячкой. Пришли друзья посетить его, между ними был некто, по имени Кириак. Он стал рассказывать о совершившемся недавно мученичестве святого; больной со вниманием, благоговением и верой слушал рассказ и вдруг начал чувствовать облегчение от болезни, а когда окончился рассказ о мученике, тогда и болезнь совершенно прекратилась. Чувствуя

себя здоровым, он встал с постели и благодарил святого, к изумлению всех присутствующих, с которыми тотчас же пошел на прогулку. Да и у самого Кириака получил исцеление от одежды святого его больной сын, за что в благодарность послал святому прекрасную лампаду. Корабль, везший сию лампаду, подвергся великой морской буре, но как только повесили на паруса находившиеся на нем одежды святого, – море укротилось.

Надобно заметить, что Григорий, пребывая в Константинополе, раздал многим христианам части от одежд мученика, и от них многие исцелились от различных болезней. Так, у одного врача, по имени Марин, девятилетняя дочь исцелилась от бельма на глазу. Один житель острова Проти избавился от блудных помыслов, которые часто беспокоили его, – призыванием у гроба имени преподобномученика Евфимия.

Молитвами святого новопреподобномученика Евфимия да избавит и нас Бог от недугов душевных и телесных, и сподобимся получить Царство Небесное от Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и держава в нескончаемые веки веков. Аминь.

Честная глава св. преподобномученика Евфимия находится ныне в Русской на Афоне обители св. великомученика Пантелеймона.

(Память его совершается и 1 мая вместе с свв. преподобномучениками Игнатием и Акакием).

* * *

83

С рукописи скита св. Предтечи.

84

Куручешме – предместье Константинополя на Босфоре. Там существовало прежде училище «Народное» – *toü genoz* – находящееся теперь в Фамаре близ Патриархата.

85

Об этой скуке впоследствии рассказывал сам преподобномученик.

86

Министр иностранных дел в Турции.

87

Надобно заметить, что Елевферий и по отречении своем от Христа носил на себе обыкновенный крест, который оставался на нем, как знак прежнего благочестия.

88

Этот Кирилл впоследствии был Константинопольским патриархом.

89

Еще в то время, когда он жил в Константинополе, нередко бывал в доме

Российского посольства, а потому всем там живущим и был известен как христианин.

90

Подобное сему видим и в житии св. Саввы Освященного – разумеем поступок его с яблоком.

91

См. его житие 20 октября.

92

См. жизнеописание св. преподобномученика Игнатия, 20 октября.

